

Четвер вестник
1891, окт

НА ЗАРЬ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(Воспоминанія абхазскаго крестьянина изъ времени послѣдней русско-турецкой войны).

I.

РОДИТЕЛИ МОИ жили до послѣдней русско-турецкой войны въ сел. Псырдцха, Сухумскаго отдѣла, къ востоку отъ Ново-Афонскаго Симоно-Конанитскаго монастыря, а въ настоящее время мы, трое братьевъ, живемъ съ матерью въ поселкѣ Абгархуквъ, Лыхненской общины, Гудаутскаго участка, Сухумскаго округа, Кутаисской губерніи. Отца у насъ нѣтъ: онъ умеръ въ 1879 году.

Отецъ мой былъ крестьянинъ и занимался земледѣліемъ. Когда его родители умерли, и онъ самъ остался безпомощнымъ сиротой, то, чтобы не оставить хозяйства дѣда и продолжать его, онъ женился, еще молодымъ, на моей матери, дочери тоже крестьянина изъ сел. Ацы близъ м. Гудауты. Мать моя помогала отцу во всѣхъ его работахъ; даже, когда онъ уѣзжалъ куда-нибудь по дѣлу на цѣлое лѣто (онъ раза три ѣздилъ въ Карачай, Кубанской области, для покупки скота), она одна за него трудилась и исполняла всѣ его работы, какъ въ домѣ, такъ и въ полѣ, съ помощью знакомыхъ. Отецъ жилъ съ ней въ любви и согласіи до самой своей смерти.

Помню одинъ рассказъ моей матери, который произвелъ на меня особенно жалостное впечатлѣніе. Мать рассказывала мнѣ, что когда

еще меня не было на свѣтѣ, въ ближнихъ къ намъ деревняхъ появилась оспа, скоро перешедшая и въ нашу деревню. Первой заболѣла моя мать, за ней всѣ дѣти, потомъ служанка и т. д., словомъ всѣ, за исключеніемъ отца, вся наша семья и всѣ наши люди¹⁾ лежали больными. Отцу пришлось прислуживать всѣмъ больнымъ; но такъ какъ иногда ему было необходимо отлучаться въ горы, чтобы присмотрѣть тамъ за скотомъ, то больные оставались дома одни безпомощными: некому было подать имъ напитокъ и сварить какую-нибудь пищу, приходилось мучиться отъ голода и жажды. Изъ сосѣдей никто не хотѣлъ идти къ нимъ на помощь, боясь заразы; даже и тогда, когда умеръ одинъ больной изъ прислуги, то отцу одному пришлось предать землѣ его тѣло. Какъ ни берегли себя отъ заразы наши сосѣди, но послѣ того, какъ вся наша семья выздоровѣла, заболѣли оспою нѣсколько семействъ сосѣдей; къ нимъ также никто не ходилъ и они также оставались безъ помощи, а потому мой отецъ, оставивъ своихъ семейныхъ, только-что вставшихъ съ постели, сталъ ходить къ заболѣвшимъ и прислуживать имъ. Всѣ они очень удивлялись, что отецъ не боялся заразы. Отецъ такъ и не заразился. Мать, рассказывая все это, прибавляла: «Посылаетъ болѣзнь на людей Богъ, и потому не хорошо бояться болѣзни и укрываться отъ нея: «Отъ Бога и въ сундукѣ не схоронишься»²⁾; Богъ вездѣ найдетъ. Вотъ видишь ты нужно всегда прислуживать больнымъ, не боясь никакой заразы, какъ это дѣлалъ твой отецъ. И за это Богъ будетъ хранить тебя отъ болѣзней».

Изъ приведеннаго разсказа матери видно, что отецъ мой былъ человѣкъ добрый. Хотя онъ не зналъ грамоты, но уважалъ грамотныхъ людей и вѣрилъ имъ.

У него жилъ одинъ работникъ изъ имеретинъ, который, будучи лѣнивъ къ работѣ, всегда уговаривалъ отца, чтобы онъ построилъ лавку и сдѣлалъ его приказчикомъ; при этомъ онъ увѣрялъ, что хорошо обученъ грамотѣ и умѣетъ считать. Отецъ поддался его убѣжденіямъ, завелъ лавку и сдѣлалъ его приказчикомъ, но многихъ хлопотъ и заботъ стоила ему послѣ эта лавка. Когда приходилось провѣрять приказчика, то онъ провѣрялъ его по кукурузнымъ зернамъ. Это дѣлалось такъ: сколько пудовъ продавалось

¹⁾ Въ то время въ Абхазіи еще было рабство. Абхазія дѣлала частыя набѣги на черкесовъ и забирала ихъ въ плѣнъ; черкесы въ свою очередь дѣлали набѣги на Абхазію и брали въ плѣнъ абхазцевъ. Плѣнники эти и были рабами: ихъ продавали, и каждый состоятельный хозяинъ, будь онъ крестьянинъ, дворянинъ или князь, могъ покупать ихъ и заставлять работать; мой отецъ не долго держалъ рабовъ: еще раньше освобожденія крестьянъ, онъ освободилъ своихъ людей, но они сами не хотѣли отъ него уходить и попрежнему, какъ семейные, помогали ему въ его работахъ.

²⁾ Абхазская пословица.

чего-нибудь, столько откладывалось отцомъ и кукурузныхъ зеренъ. Всѣ эти зерна хранились въ разныхъ мѣшечкахъ, и сколько было разныхъ предметовъ сбыта, столько было и мѣшечковъ. Мѣшечки эти были для отца его конторскими книгами. Отца часто обманывали, и онъ думалъ, что будь онъ грамотный, обмануть его было бы нельзя. Помню, какъ увѣрялъ онъ маму, что знать грамоту очень хорошо и что онъ отдастъ насъ въ школу, какъ только мы подрастемъ.

Мать моя была такая же добрая, какъ и отецъ. Она была ко всѣмъ жалостлива, особенно къ дѣтямъ, какъ къ своимъ, такъ и къ чужимъ: если бывало увидить, что у чужого мальчика плоха одежда, то найдетъ какую-нибудь нашу одежду, изъ которой мы выросли, и одѣнетъ мальчика.

У меня было двое старшихъ братьевъ, которые и теперь живы. Мы всѣ братья жили дружно и ладили съ сосѣдскими мальчиками, которые насъ любили и не обижали.

Когда мой старшій братъ подросъ, отецъ отдалъ его одному священнику для обученія грамотѣ. Братъ находился у священника года два, послѣ чего поступилъ въ Сухумскую городскую школу, гдѣ проучившись тоже два года, поступилъ переводчикомъ къ одному баталіонному командиру, полковнику Араблинскому. Насъ же, меня съ другимъ братомъ, отецъ отдалъ въ монастырскую школу, гдѣ насъ учили нотной гаммѣ. Мѣсяца черезъ два насъ выпустили изъ этой школы, по случаю объявленія послѣдней русско-турецкой войны.

II.

Разъ, когда отецъ пахалъ, а я стоялъ около, одинъ изъ сосѣдей нашихъ окликнулъ отца и сказалъ ему: «Посмотри на море!» Когда мы посмотрѣли на море, то были поражены множествомъ париходовъ, представлявшихъ своими мачтами густой лѣсъ, который темнѣлъ на горизонтѣ. Отецъ ужаснулся, не зная причины появленія такого множества париходовъ, а я восхищался этимъ зрѣлищемъ. На другой день послѣ появленія париходовъ, вся наша деревня была въ невыразимомъ страхѣ отъ пушечныхъ выстрѣловъ, доносившихся къ намъ, какъ раскаты грома. Къ вечеру того же дня, мы узнали, что пришли турки и что между ними и русскими началась война; затѣмъ узнали также, что турки овладѣли Сухумомъ, который отстоялъ въ 20 верстахъ отъ нашей деревни. Мать плакала, отецъ не зналъ что дѣлать, сокрушаясь о сынѣ, который, какъ я уже упоминалъ, служилъ въ русской службѣ, въ Сухумѣ, у баталіоннаго командира Араблинскаго. Услыхавъ плачъ матери, я тоже заплакалъ, хотя и не понималъ въ чемъ дѣло. Родителямъ неизвѣстно было ничего объ ихъ сынѣ:

убить онъ турками въ числѣ русскихъ, или живъ; спрашивать объ этомъ было некого, потому что въ то время сообщенія съ русскими никто не имѣлъ.

Турецкій паша привелъ всѣхъ абхазцевъ къ присягѣ на вѣрноподданство Турціи и приказалъ имъ идти на войну противъ русскихъ, а моего отца посадилъ въ тюрьму, говоря, что не выпустить его до тѣхъ поръ, пока онъ не вызоветъ своего сына отъ русскихъ и не представитъ его къ нему, чтобы узнать отъ него о положеніи русскаго войска. Паша пригрозилъ отцу даже смертью, если онъ не представитъ сына. Однако, послѣ двухъ-недѣльнаго, строжайшаго ареста, по ходатайству нѣкоторыхъ абхазцевъ, которые были приближены къ пашѣ и знали моего отца, послѣдній былъ освобожденъ изъ тюрьмы; но при этомъ ему было приказано идти вмѣстѣ съ другими на войну. Отецъ пошелъ, надѣясь увидать своего сына у русскихъ. Черезъ нѣкоторое время часть абхазцевъ вернулась съ войны, а остальные были убиты. Сосѣди наши, которые были съ отцомъ на войнѣ, вернулись къ намъ не съ доброй вѣстью: они рассказывали матери, какъ отецъ былъ съ ними въ сраженіяхъ, какъ онъ не стрѣлялъ въ русскихъ, говоря: «развѣ я могу стрѣлять въ своего собственнаго сына, можетъ быть, еще живого!» какъ турки, замѣтивъ, что отецъ не стрѣляетъ, пригрозили ему смертью, потомъ, какъ онъ стрѣлялъ въ сторону, гдѣ русскихъ вовсе не было, какъ подходилъ къ каждому трупу убитаго русскаго солдата и осматривалъ его, ожидая найти въ немъ своего сына, и наконецъ, какъ во время одной битвы онъ пропалъ безъ вѣсти.

Я не въ состояніи выразить того чувства, которое овладѣло моею матерью послѣ такой убійственной вѣсти. Домъ нашъ былъ наполненъ воплями и рыданіями мужчинъ (знакомыхъ и родныхъ), женщинъ и дѣтей (я съ братомъ и двѣ сестры).

И такъ мы лишились и отца и брата.

Турецкій паша объявилъ абхазцамъ, что не можетъ устоять противъ русскихъ и принужденъ оставить Абхазію, причемъ предложилъ имъ ѣхать съ нимъ въ Турцію, гдѣ они будутъ, по его словамъ, ходить въ золотѣ. Абхазцы согласились и начали собираться. Мать же, узнавъ объ этомъ, страшно испугалась: она ни за что не хотѣла покинуть свою родину. Но для этого ей нужно было бѣжать съ дѣтьми въ лѣсъ и укрываться до выѣзда турокъ и возвращенія русскихъ; а къ намъ именно приставленъ былъ тогда карауль, и мы уже не могли бѣжать. Съ недѣлю мы сидѣли подъ карауломъ, а затѣмъ намъ было приказано немедленно отправиться на берегъ моря, куда собрались всѣ абхазцы изъ трехъ селеній для выѣзда въ Турцію.

И вотъ, мы—мать, двѣ сестры мои съ ихъ мужьями, изъ которыхъ одинъ былъ имеретинъ, а другой—грекъ, и я съ бра-

томъ,—въ концѣ іюля мѣсяца, утромъ, чуть свѣтъ, оставивъ домъ и все свое движимое и недвижимое имущество, отправились въ въ назначенное мѣсто. Дорогой мать плакала и другіе были скучны, а мы съ братомъ радовались тому, что увидимъ пароходъ, который уже рисовался въ нашемъ воображеніи. Помню, какъ дорогой я спорилъ съ братомъ относительно устройства парохода: братъ говорилъ, что онъ имѣеть видъ дома, а я увѣрялъ, что пароходъ вовсе не домъ, а громадная бочка съ толстыми обручами. На берегу было множество народа, на морѣ стоялъ большой военный турецкій пароходъ съ пушками, которыя высовывались изъ люковъ; ихъ черныи, какъ пасть звѣриная, жерла, пугали меня. Взяли насъ всѣхъ на пароходъ и онъ отправился въ Гудауту; тамъ дали съ парохода нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ по Гудауту, а затѣмъ пароходъ пошелъ въ Сухумъ и оттуда прямо въ Турцію.

Пароходъ былъ переполненъ людьми, которые страдали отъ недостатка пищи, а еще больше отъ недостатка воды. Воды абхазцамъ, послѣ трехъ дней пути, совсѣмъ не стали давать. Взрослые пили морскую соленую воду; такъ какъ пить ее было противно, то нѣкоторые подбавляли туда, не знаю для чего, перецъ. Въ пищу давались сухари, но твердые, какъ камень. Этими сухарями у меня содрало всю кожу съ нѣба и губъ. Всѣ страдали отъ желудочныхъ болей; и всего болѣе дѣти; они плакали, кричали, просили пить; а матери были не въ силахъ утолить ихъ жажду. Вода была кругомъ, дѣти видѣли ее и отъ этого еще больше кричали. Болѣзни дѣлались смертельными; преимущественно гибли дѣти. До сихъ поръ передо мной живо рисуется эта потрясающая картина. Надъ умирающими плакали не одни родители, но и всѣ женщины и родственники; матери кричали, рвали на себѣ волосы. Когда всѣ утомлялись отъ плача и крика, наступала на короткое время тишина, а затѣмъ снова раздавались плачь, вопли и крики. Трупы малютокъ бросали въ море, не взирая на отчаянное сопротивление матерей... Я помню, какъ одна мать ни за что не хотѣла, чтобы ея ребенка выбросили въ море и долго скрывала его смерть. Абхазцы знали объ этомъ, но молчали. Она держала мертваго ребенка на рукахъ, прижавъ его къ груди, и когда кто-нибудь изъ турокъ проходилъ мимо, начинала разговаривать съ нимъ, какъ съ живымъ. Такъ скрывала она его до тѣхъ поръ, пока на пароходѣ началъ распространяться трупный запахъ. Тогда сдѣлали обыскъ и нашли мертваго ребенка; но мать и тутъ не хотѣла отдать его, и когда ребенка все-таки вырвали изъ ея рукъ и бросили въ море, она сама пыталась броситься за нимъ. Ее съ трудомъ удержали. Крикъ этой матери и до сихъ поръ раздается въ ушахъ моихъ.

Наконецъ, пароходъ присталъ къ турецкому городу Самсону, гдѣ насъ высадили, и, оставивъ на жгучемъ песчаномъ берегу моря, подъ палящимъ солнцемъ, велѣли не расходиться до особаго приказанія. Болѣзни среди абхазцевъ все усиливались; они умирали каждый день десятками. Только и слышались похоронные вопли по умершимъ.

Наконецъ, явился паша, чтобы опредѣлить число прибывшихъ абхазцевъ и при этомъ спросилъ ихъ: по доброй ли волѣ они пріѣхали и вѣ ли магометанскаго вѣроисповѣданія? Тогда моя мать, двое зятей, я съ братомъ и сестры, выступили впередъ, и мать сказала, что мы пріѣхали не по своей волѣ, но что насъ взяли силой и мы не магометане, а христіане. Тогда паша съ бѣшенствомъ крикнулъ на насъ и пригрозилъ, что всѣхъ насъ перерѣжетъ; я страшно перепугался, уцѣпился за мать и началъ плакать. Паша велѣлъ насъ отдѣлать отъ прочихъ махаджировъ¹⁾ и отвести въ какой-то домъ, гдѣ приставили къ намъ караулъ, такъ что мы уже не могли выходить со двора.

Я былъ все время здоровъ и веселъ; меня занимали большіе дома, какихъ я не видывалъ въ Абхазіи. Цѣлые часы просиживалъ я у окна и смотрѣлъ на улицу, на проходящихъ турокъ, которые удивляли меня своими красными фесками и широчайшими шароварами; приводили меня въ изумленіе и закутанныя фигуры, съ закрытыми лицами, часто проѣзжавшія мимо нашего окна на бѣлыхъ ослахъ безъ сѣделъ. Смотря на нихъ спереди, видно было, что онѣ опоясаны поясами, изъ-подъ которыхъ торчали большіе куски хлѣба. Это были турецкія женщины.

Разъ, паша позвалъ насъ къ себѣ и съ угрозами принуждалъ принять ихъ вѣру, но мать сказала за всѣхъ насъ: «мы ни за что не переменимъ своей вѣры». Тогда паша запретилъ зятьямъ имѣть сообщеніе съ нами; они были отдѣлены и къ намъ ходить не смѣли. Въ теченіе полутора мѣсяца паша каждую недѣлю и всегда врознь призывалъ то насъ, то зятей.

Намъ онъ говорилъ будто зятья уже приняли магометанскую вѣру и что мы должны сдѣлать то же самое, иначе онъ велитъ убить насъ; а зятьямъ говорилъ, будто мы согласились принять магометанство и приказывалъ, чтобы и они приняли, иначе грозилъ ихъ повѣсить. И мы и зятья все-таки отказывались твердо, что ни за что не измѣнимъ своей вѣры, хотя бы насъ десять разъ вѣшали.

Черезъ два мѣсяца, по требованію русскаго консула, насъ отправили въ Константинополь. Какъ узналъ русскій консулъ о нашемъ положеніи, я не знаю. Въ Константинополѣ намъ было хорошо,

¹⁾ «Махаджиры» — значить переселенцы. Всѣхъ абхазцевъ, взятыхъ изъ Абхазіи силой или обманомъ, турецкое начальство называло переселенцами.

благодаря тамошнимъ богатымъ грекамъ: изъ казны намъ давали кормовыя деньги по 10 коп. на душу, а греки отъ себя давали по 20 коп. и, кромѣ того, еще доставляли пищу.

Мы прожили въ Константинополѣ три мѣсяца; затѣмъ, русскій консуль, по нашей просьбѣ, отправилъ насъ обратно на Кавказъ. Чрезъ десять сутокъ нашъ пароходъ, безъ особыхъ приключеній, присталъ къ мѣстечку Шекватили, близъ Озургеть. Оттуда начальство отправило насъ на подводахъ въ гор. Кутансь. По дорогѣ умерла одна изъ моихъ сестеръ. Когда мы прибыли въ Кутансь, намъ отвели квартиру отъ казны, гдѣ мы и жили, не имѣя никакого извѣстія о братѣ и отцѣ; мы и не надѣялись ихъ увидѣть: думали, что ихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Какъ же мы изумились, когда вдругъ одинъ изъ зятей прибѣжалъ къ намъ и объявилъ, что отецъ живъ и находится въ заключеніи. Зять нашель отца слѣдующимъ образомъ: утромъ онъ пошелъ на базаръ для покупки провизіи и, когда проходилъ мимо тюрьмы, увидалъ отца выглядывавшаго изъ-за желѣзной рѣшетки тюремнаго окна. Тогда онъ прибѣжалъ и рассказалъ намъ объ этомъ. Мы тотчасъ же отправились къ смотрителю тюрьмы и стали просить у него позволенія повидаться съ отцомъ. Получивъ позволеніе, мы пошли въ тюрьму. Солдаты вывели къ намъ больного отца. Увидѣвъ насъ, онъ хотѣлъ броситься къ намъ, но солдаты удержали его, и насъ близко къ нему не подпустили: мы стояли на разстояніи одной сажени и плакали отъ радости, какъ онъ, такъ и мы. Первый вопросъ матери отцу состоялъ въ томъ, нашель ли онъ сына и живъ ли онъ? Отецъ сказалъ, что сынъ живъ и что онъ нашель его, но только не знаетъ, гдѣ онъ находится въ настоящее время. Мы не говорили о смерти сестры, отецъ былъ едва живъ и мы боялись убить его этимъ извѣстіемъ. Мы сказали ему, что сестра не совсѣмъ здорова и потому осталась дома. Караульные не дали намъ больше разговаривать и увели отца.

Наконецъ, дошла къ намъ вѣсть и о братѣ. Чрезъ одного человека мы узнали, что братъ находится въ Зугдидахъ. Мы телеграфировали туда и братъ пріѣхалъ чрезъ три дня. Трудно описать радость матери, когда она увидѣла сына, о которомъ думала, что его уже нѣтъ въ живыхъ. Когда она успокоилась отъ радости, то первымъ вопросомъ ея брату было, какъ онъ нашель своего отца? Братъ рассказалъ все, и я приведу здѣсь его рассказъ отъ лица его самого.

III.

«Когда турки напали на насъ въ Сухумѣ, — началъ свой рассказъ братъ, — мы вышли оттуда и чрезъ нѣсколько часовъ весь городъ былъ въ пламени—турки подожгли его. Мы остановились недалеко отъ Сухума. Полковникъ подозвалъ меня къ себѣ и ска-

заль: «Вотъ, Алексѣй, твои братья, абхазцы, измѣнили намъ, русскимъ, а ты что скажешь? Останешься ли такимъ же преданнымъ, какимъ былъ до сихъ поръ? Если хочешь ѣхать къ своимъ, то даю тебѣ честное слово, что я отпущу тебя, только скажи мнѣ объ этомъ». Я отвѣчалъ ему, что останусь такимъ же преданнымъ Россіи, какимъ былъ.

«На другой день утромъ началась страшная битва. Какъ пчелы жужжали непріятельскія пули. Въ день битвы была страшная, невыносимая жара и мы утомились до крайности. Въ полдень битва прекратилась; полковникъ отдыхалъ въ своей палаткѣ и я былъ около него. Одинъ офицеръ изъ передоваго отряда донесъ полковнику, что захваченъ живымъ одинъ изъ непріятелей; тогда полковникъ послалъ меня узнать, не абхазецъ ли пойманъ.

«Я пошелъ и увидалъ своего отца. Руки и ноги у него были туго перевязаны, и онъ, закрывъ глаза, лежалъ на солнцѣ. Вокругъ него стояли вооруженные солдаты. Я окликнулъ его, но онъ былъ безъ памяти и не узналъ меня. Я просилъ ротнаго командира, чтобы онъ приказалъ перенести отца въ тѣнь и отпустить веревки, которыми онъ былъ связанъ. Вернувшись къ полковнику, я разсказалъ ему все, что видѣлъ; онъ пожалѣлъ и отца, и меня, и обѣщалъ помочь отцу по возможности.

«Когда отецъ пришелъ въ сознаніе, его допросили, но не чрезъ меня, а чрезъ другого переводчика. Отецъ передалъ переводчику, что онъ съ русскими не хотѣлъ драться, а самъ бѣжалъ къ нимъ, надѣясь увидать сына, что онъ никогда не былъ противъ русскихъ и не стрѣлялъ по нимъ. Ему замѣтили, что по ружью видно, что онъ стрѣлялъ? Отецъ отвѣтилъ, что онъ не могъ не стрѣлять, но стрѣлялъ на воздухъ: «Я зналъ, что тамъ сынъ мой, какъ же я могъ стрѣлять по сыну?»

«Если ты самъ хотѣлъ передаться русскимъ, сказали ему, то почему же тебя взяли съ оружіемъ? Отецъ отвѣтилъ, что онъ не зналъ, что для этого нужно было быть безъ оружія, да если бы и зналъ, такъ все равно не могъ бы сгоряча догадаться и бросить ружье.

«Послѣ допроса, отца прислали въ здѣшнюю тюрьму, гдѣ вы и видѣли его. Я до сихъ поръ хлопочу объ освобожденіи его, и мнѣ обѣщали, что его скоро освободятъ»...

«Намъ съ отцомъ, прибавилъ братъ, ничего не было извѣстно о васъ. Мы думали, что вы не поѣдете въ Турцію, а убѣжите куда-нибудь въ лѣсъ, но боялись, что васъ найдутъ турки и перебьютъ всѣхъ. Какъ только турки ушли, я съ разрѣшенія начальства поѣхалъ домой, но наше селеніе оказалось пусто, въ немъ не было ни одной человѣческой души, и, когда я увидалъ и нашу домъ пустымъ, сердце мое сжалось. Смотрю, по двору бѣгають куры, и собаки наши голодные воютъ. Въ домѣ все раскидано,

разбросано, столы опрокинуты. Не долго думая, пошелъ я искать васъ, надѣясь, что вы скрываетесь въ лѣсу; искалъ васъ всадѣ, въ знакомыхъ мнѣ лѣсахъ и трупцобахъ, гдѣ только человѣку можно было укрываться; звалъ васъ громкимъ голосомъ, говоря, что я, молъ, Алексеѣй, не бойтесь меня и отзовитесь, но все было напрасно. Возвратившись, я долго сидѣлъ въ нашемъ пустомъ домѣ и плакалъ. Ну, думаю себѣ, сразу лишился я всѣхъ родныхъ и остался сиротой, но дѣлать нечего: на все воля Божья. Всталъ и поѣхалъ обратно. Когда я ѣхалъ, дорогой мнѣ встрѣчались лошади, коровы и буйволы, оставленные выѣхавшими абхазцами, но я, удрученный горемъ, конечно, и не подумалъ задержать и присвоить ихъ себѣ, хотя имѣлъ отъ начальства на это право; но когда я увидалъ, что нѣкоторыхъ изъ нашихъ собственныхъ коровъ, Какушъ, Балишъ¹⁾ и др. гонять какіе-то абхазцы изъ селенія Лыхны²⁾, мнѣ стало жалко, а потому я отобралъ ихъ отъ абхазцевъ. Но онѣ не долго жили: заболѣли чумой и всѣ подошли. Вообще, послѣ переселенія абхазцевъ, свирѣпствовала страшная чума и много скота погибло».

Мать съ грустью слушала разсказъ брата, и, глубоко вздохнувъ, только замѣтила, что на все воля Божья.

Мнѣ слѣдуетъ разсказать еще о смерти отца.

Проживъ въ Кутаисѣ мѣсяць, братъ отправилъ насъ въ Абхазію. Когда мы уѣзжали изъ Кутаиса, отецъ просилъ мать оставить ему средняго брата.

— Когда вы уѣдете, говорилъ онъ, то я буду думать, что все это я только во снѣ видѣлъ, а когда будетъ Костя на глазахъ, я буду вѣрно знать, что и засъ всѣхъ видѣлъ не во снѣ, а тоже наяву.

Мать оставила брата.

Доѣхавъ до Зугдидъ, послѣдняя сестра заболѣла и тоже умерла, а мы остальные, наконецъ, добрались до своей родной Абхазіи. Такъ какъ въ нашемъ селеніи никто не жилъ и намъ однимъ оставаться тамъ было страшно, то мы поѣхали къ знакомымъ въ селеніе Ачандара. Тогдашній начальникъ Гудаутскаго участка отдалъ намъ землю въ поселкѣ Абгархуквѣ, гдѣ мы живемъ и въ настоящее время.

Отца освободили изъ тюрьмы вскорѣ послѣ выѣзда нашего изъ Кутаиса. Когда онъ ѣхалъ съ моимъ среднимъ братомъ и еще съ однимъ провожатымъ, то дорогой узналъ о смерти двухъ дочерей. Тогда болѣзнь его ухудшилась, и онъ, предчувствуя, что умретъ, велѣлъ везти себя въ свое родное и теперь опустѣвшее селеніе.

¹⁾ Какушъ, Балишъ — имена коровъ.

²⁾ Абхазцы нѣсколькихъ селеній остались и не поѣхали въ Турцію, такъ какъ русскіе успѣли къ тому времени прогнать турокъ, а турки второнякъ не успѣли всѣхъ захватить, и эти-то вотъ оставшіеся абхазцы и забирали скотъ, оставленный выѣхавшими въ Турцію.

Его привезли, и когда внесли въ пустой покинутый нами домъ, онъ сказалъ, что дальше не поѣдетъ: здѣсь умерли его отецъ, мать, здѣсь же и онъ умретъ... Братъ остался съ отцомъ, а провожатый поѣхалъ къ намъ (мы жили въ 20 верстахъ отъ нашего бывшаго селенія), чтобы извѣстить, что отецъ зоветъ насъ къ себѣ домой. О томъ что онъ плохъ, отецъ не велѣлъ сказывать, но смерть приближалась, и онъ, чувствуя это, велѣлъ брату принести ему воды изъ того ключа, изъ котораго всегда пилъ. При помощи брата, онъ заживо обмылъ себя всего этой водой, какъ обмываютъ мертвыхъ; велѣлъ согрѣть чаю, выпилъ нѣсколько глотковъ, а потомъ сказалъ брату, Костѣ, чтобы онъ забилъ дверь снаружи, а самъ шелъ къ берегу, на встрѣчу намъ.

Желалось ли отцу скорѣе увидѣть насъ, что онъ послалъ къ намъ на встрѣчу брата, или онъ отослалъ его отъ себя только потому, что боялся напугать его своей смертью, такъ какъ тотъ былъ еще мальчикъ, сказать этого я не могу. Братъ не смѣлъ ослушаться отца и пошелъ къ берегу. Отецъ остался одинъ, и когда мы всѣ вошли къ нему, часа черезъ три послѣ того, то живымъ его уже не застали. Онъ лежалъ мертвымъ.

Такъ умеръ отецъ мой.

Мнѣ грустно подумать, что кто-нибудь, пожалуй, не повѣритъ мнѣ, что отецъ мой никогда не былъ измѣнникомъ.

Если бы отца всѣ знали такъ, какъ мы, то никто и не подумалъ бы усомниться въ его честности. Но отца нашего знали коротко только мы одни, и рассказать о немъ такъ, чтобы и другіе его также узнали, я едва ли сумѣлъ.

Послѣ смерти отца намъ его замѣнилъ братъ. Служа у полковника, онъ постоянно находился при немъ и во время сраженій. Полковникъ въ битвахъ всегда былъ во всемъ бѣломъ и на бѣломъ концѣ; турецкія пули летѣли въ него, какъ въ мишень, а братъ всегда былъ близъ него. Полковникъ часто говорилъ ему: «Ты еще молодъ, не опытенъ,—береги себя!» Не принуждалъ его быть около себя, но братъ не покидалъ его.

Полковникъ любилъ брата, и, по его представленію, братъ получилъ георгіевскій крестъ и медаль за храбрость. Онъ былъ представленъ даже въ офицеры; но несчастная судьба отца повредила сыну.

Послѣ войны, братъ еще оставался служить, и, исполняя намѣренія покойнаго отца, отдалъ меня въ Сухумскую горскую школу, гдѣ я учился на казенный счетъ. Поступилъ я въ школу, не зная ни буквы и не понимая ни одного русскаго слова; но у меня была большая охота къ ученію и я учился прилежно.

Черезъ три года я кончилъ курсъ въ школѣ и меня послали въ Хонскую учительскую семинарію, но тамъ, за неимѣніемъ вакансій, меня не приняли.

И. Ладарія.